

Н.И. ХВОРОСТЬЯНОВА

ВОЛОНТЕРСТВО В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА РУБЕЖА

Аннотация. На основе критического анализа российских и зарубежных исследований автор представляет три модели волонтерства, конкурирующие за приоритет в российском общественном сознании. Эти модели — традиционная, советская и демократическая — семантически соответствуют трем пересекающимся в российском дискурсе понятиям «благотворительность», «добровольчество» и «волонтерство»; выступают самостоятельными культурно-идеологическими концептами и символизируют более или менее вероятные сценарии развития российского гражданского общества. Однако так как результаты недавних эмпирических исследований российских социологов склоняют чашу весов в сторону советской модели, ее изучение и осмысление становятся важной задачей. Качественные ретроспективные эмпирические исследования «похожего на волонтерство» советского опыта, носителями которого являются миллионы россиян, могут быть полезными не только для более глубокого понимания феномена современного российского волонтерства, но и для разработки эффективных стратегий его развития.

Ключевые слова: волонтерство; гражданское общество; Россия; советский опыт.

Для цитирования: *Хворостьянова Н.И.* Волонтерство в российском обществе и в российской социологии: взгляд из-за рубежа // Социологический журнал. 2017. Том. 23. № 2. С. 136–152. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5162

Хворостьянова Наталья Исааковна — доктор социологии (PhD), старший научный сотрудник, кафедра массовой коммуникации, Университет им. Бен-Гуриона в Негеве, Израиль.

Адрес: Университет имени Бен-Гуриона, п/я 653; Беер-Шева, 8410501, Израиль. **Телефон:** +972-8-647-9370. **Электронная почта:** nataliak@bgu.ac.il

Вместо введения:**Волонтерство в российском общественном сознании**

Волонтерство — социальный феномен, свидетельствующий о человеческой солидарности, гуманизме и альтруизме, — давно и плодотворно изучается. Наиболее общее из принятых в западной социологии определений описывает *волонтеров* как людей, которые помогают другим, не ожидая платы или взаимности, а *волонтерство* — как деятельность, направленную на улучшение качества жизни других людей [35]. Развернутое определение волонтерской деятельности включает шесть элементов [29]: 1) free will (волонтерство является результатом свободного выбора, а не принуждения); 2) poscompensation (волонтерство не предполагает платы или другой материальной компенсации); 3) noobligation (не является волонтерством помощь, основанная на выполнении родственных или дружеских обязательств); 4) planfulness (волонтерство — это спланированная деятельность; спонтанная помощь другим в результате эмоционального порыва не является волонтерством); 5) longevity (волонтерство — это не разовая, а регулярная, продолжительная по времени деятельность); 6) organizational context (как правило, волонтеры действуют не одиноко и самостоятельно, а в рамках организации).

Российские социологи пока не достигли согласия в определении волонтерства. Так, одни из них используют как синонимы одновременно три термина: «волонтерство», «добровольчество» и «благотворительность» [17; 18]. Другие считают волонтерство и добровольчество частными случаями благотворительности [3; 19]. Третьи делают попытки эти понятия разграничить [4; 8; 21]. Проблема дефиниций иногда ведет к расширенному толкованию, когда в качестве волонтерства учитываются соседская взаимопомощь, услуги незнакомым людям, разовые акции милосердия [25] и даже некоторые формы социальной работы [20]. Из-за разногласий в определениях инструменты подсчета волонтеров не стандартизируются, поэтому неудивительно, что результаты опросов сильно разнятся. Например, согласно исследованию Трохиной [23], в 2012 г. доля граждан, работавших волонтерами в организациях, составляла 3,9%. В то же время, согласно опросу, проведенному Charities Aid Foundation (CAF), их было более чем в 4 раза больше — 17% [47]. По данным «Левада-Центра» (2012), «добровольно и бесплатно на пользу обществу в течение последнего года хотя бы однажды» трудились 24% россиян, а согласно опросу ВЦИОМа (2011), — 53% [16, с. 207].

Население России также не определилось с тем, кого считать волонтером. Например, в 2013 г., отвечая на вопрос *«Как там, где Вы живете, называют людей, которые по собственному желанию и без вознаграждения в свободное от работы (учебы) время делают общественно полезные дела либо помогают нуждающимся — гражданам, животным и т.п.»*, 32% участников всероссийского опроса назвали их волонтерами,

6% — добровольцами, 13% — добрыми, хорошими, милосердными людьми или альтруистами, а 38% затруднились дать какой-либо ответ [24].

По-видимому, эта ситуация отражает трудности интеграции волонтерства как явления в современную российскую действительность. Ситуацию усугубляют многочисленные подмены смыслов, когда добровольцами называют россиян, воюющих на территории Украины, а активистов Гринписа обвиняют во вредительстве и шпионаже. В одном российские социологи едины: переживающее очередной кризис общество нуждается в работе волонтеров, а их в современной России недостаточно.

В этой статье я предлагаю читателю обратиться к современным зарубежным и российским исследованиям волонтерства и с их помощью постараться найти ответы на следующие вопросы: почему на постсоветском пространстве мало волонтеров? Какие модели волонтерства содержатся в российском общественном сознании? Каковы ближайшие перспективы развития волонтерства в России? Цитаты из англоязычных источников переведены мною.

Почему на постсоветском пространстве мало волонтеров?

Сравнительные исследования показывают, что низкий уровень волонтерства характерен для бывших социалистических стран. Например, в Армении, Азербайджане и Грузии уровень волонтерской активности населения составил 2–8% [37]. Среди европейских стран последнее место по уровню волонтерства занимает Болгария — только 7% населения этой страны участвовали в волонтерской работе хотя бы один раз за год, предшествующий опросу. За Болгарией следуют Польша, Россия, Эстония и Венгрия — в этих странах менее 20% населения принимало участие в формальном волонтерстве. Для сравнения: в Швейцарии и Австрии волонтерами являются более 50% населения, а в Норвегии — 67% [44].

А. Плагнол и Ф. Хапперт [38] предложили несколько дополняющих друг друга объяснений низкого уровня участия населения постсоветских стран в волонтерстве. Во-первых, отказ от социализма не для всех означал демократизацию: если одни постсоветские республики продвинулись в этом отношении, то другие застряли в «переходе» и даже вернулись к авторитаризму. Во-вторых, многолетний экономический стресс оставил бывшим советским гражданам мало энергии для занятия волонтерством. В-третьих, сыграло роль отсутствие в постсоветских странах инфраструктуры волонтерства — как организационной, так и физической. Наконец, влияние оказывает социокультурное наследие советской эпохи (socialist heritage): опыт принуждения к общественно полезным занятиям продолжает подавлять внутреннюю мотивацию граждан. Важность последнего фактора подтверждают, в частности, исследования постсоветских иммигрантов: даже поселившись в экономически благополучных странах, обладаю-

щих устоявшимися традициями и развитой инфраструктурой волонтерства, бывшие советские граждане избегают участия в волонтерской деятельности [42; 50].

Российские исследователи волонтерства отмечают проблемы, находящиеся в организационной, социально-психологической и идеологической сферах. Например, по мнению М.В. Певной [15], развитие волонтерства тормозится на трех уровнях. Во-первых, его тормозят и дискредитируют сверху, этому служат отсутствие законодательной базы и государственной политики развития волонтерства, организация полупринудительного квазиволонтерства — массовых и, как правило, разовых акций, а также кампании по разоблачению иностранных некоммерческих организаций (НКО). Во-вторых, его тормозят сами волонтеры: их «реальная деятельность часто расходится с декларируемыми в официальных документах целями, задачами, методами работы». В-третьих, его не принимают снизу, автор указывает на кризис социального капитала — «всеобщее недоверие», особенно среди тех, «кому волонтеры оказывают поддержку». Корнем этого «тотального торможения» автор считает концептуально-идеологическую проблему: национальная традиция волонтерства в России отсутствует, а общественное сознание тщетно пытается впрячь в одну телегу «различные добровольческие практики» — модели, сформировавшиеся в досоветские, советские и постсоветские годы [15, с. 145–147].

Проблема преемственности побуждает российских социологов к попыткам конструирования волонтерской традиции посредством научного дискурса. Так, многие пытаются повести историю волонтерства от принятия христианства на Руси, при этом, к сожалению, игнорируя подобный опыт у жителей России, исповедующих другие религии [2; 8; 11; 19; 20; 26]. С некоторыми оговорками в список «волонтеров» включают монахов, патронировавших богоугодные заведения придворных дам; тимуровцев; строителей БАМа и покорителей целины. Их наследниками объявляются импортированные в 1990-е годы НКО, принесшие с собой не только западные деньги, но и ценности, в частности, защиту прав тех, кому до этого права не полагались, — детей, меньшинств и животных.

Я ни в коем случае не оспариваю исторические свидетельства безвозмездной общественно полезной деятельности, существовавшие в разное время у народов, населявших Россию, — в той или иной форме такие формы деятельности развиваются в любом обществе, служа залогом социального выживания. В то же время я предлагаю признать, что «традиционный», «советский» и «постсоветский» этапы российского волонтерства не являются примерами исторической преемственности. Каждый из них создавал свои уникальные формы и идеологию, приспособлявая инициативу и добрую волю граждан к задачам сохранения существующего общественного порядка. В сле-

дующем параграфе я рассмотрю некоторые культурные «следы» этих этапов, дезинтеграция которых, на мой взгляд, ответственна за путаницу в представлениях россиян о волонтерстве.

Три модели российского волонтерства

На сегодняшний день в российском общественном сознании представлены и конкурируют три модели: *традиционная*, *советская* и *демократическая* (западная). Причем первая воссоздается по мотивам художественной литературы, фильмов и исторической публицистики; вторая, являясь частью жизненного опыта половины населения, возрождается на почве ностальгии по СССР, а третья является последствием включения России в мировую капиталистическую экономику. При этом каждая модель связана с одним из трех присутствующих в российском социологическом дискурсе слов: к церковно-монархическому периоду тяготеет понятие *благотворительности*, советский период развил традиции *добровольчества*, а демократические тенденции 1990-х годов принесли иностранное слово *волонтерство*.

Рассмотрим подробнее каждую модель.

Традиционная модель

В основе этой модели лежит романтизация традиционной российской *благотворительности*. Исследователи, рассматривающие волонтерство в качестве продолжения патриархальной традиции [3; 17; 18; 19], считают его преемником весьма разных по содержанию явлений: церковной благотворительности; меценатства просвещенного капитала; подачи милостыни; подвижничества интеллигенции, отправляющейся учительствовать, ухаживать за ранеными и больными; и даже государственной системы социальной помощи (призрения), организуемой членами царской семьи.

Основной чертой традиционной модели является жесткая иерархичность отношений между помогающим и принимающим помощь: первый — великодушен и благороден, а второй — жалок и обезличен. Отношения неравенства необходимо присущи этой модели — беспомощность и зависимость объекта помощи призваны подчеркнуть «человеческий подвиг» дающего.

Идея возрождения традиций благотворительности в современной России приживается тяжело. Стоящий за идеей благотворительности принцип более справедливого распределения благ в условиях несправедливого общества не работает: общество стремится использовать способы перераспределения более надежные, чем чувство вины имущего перед неимущим, — например налоговую систему и правовое регулирование. Сам образ «благотворителя» в условиях общества, давно знакомого с идеей всеобщего равенства, отдает маскарадом, да и ряды потенциальных светских «меценатов» и «жерт-

вователей» рedeют после каждой волны экономического кризиса. Что касается попыток возродить церковную благотворительность, то и тут возврат к дореволюционному уровню религиозной жизни не достигнут: социальную базу православного церковного волонтерства составляют менее 8% населения — «воцерковленных», участвующих в жизни общин [10].

Демократическая модель

Альтернативная модель — *волонтерство* широких масс населения в рамках общественных организаций. Эта модель пришла с Запада в начале 1990-х гг. и активно поддерживается сторонниками демократического пути развития России. Волонтер НКО жертвует не деньги, а время. Им движет не чувство вины богатого перед бедным, а желание сделать мир и общество удобнее, безопаснее и справедливее. Данная модель предполагает личную инициативу и социальную ответственность гражданина в условиях гражданского общества. Причем наличие гражданского общества (*civil society*) является основополагающим условием развития этой модели. Гражданским обществом называют социальное пространство между государством, свободным рынком и семьей [34]. В современных обществах это пространство обычно занято политическими партиями, профессиональными союзами, клубами, общественными организациями и т. д.

По мнению западных социологов, институт гражданского общества в России не получил развития: гражданское общество по определению является противовесом власти [34], а российская власть на протяжении многих лет стремилась обойтись без противовесов. Так, по утверждению Д. Бредли [27, с. 3], до начала XX века в России «практически отсутствовали общественные организации и оставались неразвитыми такие ценности, как неприкосновенность личности и частной собственности, приоритет закона и правовое мышление, составляющие контекст гражданского общества на Западе». Позднее, в социалистическую эпоху, в странах Восточной Европы гражданского общества не было, так как его отсутствие было частью «самой сущности всераспространяющегося коммунистического государства» [34, с. 4]. Все общественные организации, такие как профессиональные ассоциации, спортивные, творческие и досуговые клубы, функционировали под опекой коммунистической партии. Даже переход к демократии в 1989 г. не принес ожидаемого гражданского «ренессанса», а сопровождался снижением гражданской активности, что получило название «гражданской демобилизации» (*civic demobilization*) [27; 34]. Неспособность постсоветских граждан реагировать на открывающиеся в результате демократизации возможности остается для западных социологов загадкой.

Л.В. Данченко-Морозова и И.А. Селезнев [6] объясняют этот феномен «историческим опозданием»: российское гражданское об-

щество делало первые шаги, когда в мире формировалось *глобальное гражданское общество*, основными элементами которого выступали глобальная экономика, международные организации, исполняющие роль инструментов мирового порядка, а также сеть коммуникаций, распространяющая глобальную культуру и разделяемые большинством стран демократические ценности [28]. В условиях глобального мира деятельность НКО по определению международна и экспансивна: мировые перспективы связаны с повышением активности движений, борющихся за сохранение окружающей среды, права женщин, меньшинств и т. д. [30], при этом национальные границы и правительства не должны препятствовать осуществлению гуманитарных общечеловеческих интересов. Ответом на экспорт «волонтерства» и сопутствующих ему «явлений» стал курс России на самоизоляцию, выразившийся, в частности, в преследовании НКО, получающих финансирование из-за границы. В то же время следует признать, что и ранее — при общем номинальном одобрении — участие населения в волонтерской деятельности было незначительно.

Советская модель

О третьей модели российские социологи говорят мало, видимо, полагая, что читатель с ней и так хорошо знаком. Имеются в виду *добровольчество* и прочая общественно полезная деятельность советской эпохи. Многие страницы советского «волонтерства» трактуются российскими социологами позитивно: например, патриотическое добровольчество (добровольный призыв в Советскую Армию) [22] и деятельность, организующая детей на службу взрослым (тимуровское движение) [14]. Массовый опыт советской общественной работы внимания российских социологов не привлек.

Что касается зарубежных исследователей, то большинство из них согласны с тем, что собственно добровольное (*free will*) волонтерство в период социализма почти не существовало [36; 41]. Моральный смысл волонтерства почти полностью был подавлен принудительным членством в общественных организациях, участием в партийных и профсоюзных ритуалах и выполнением принудительных неоплачиваемых работ, которые позиционировались как добровольный вклад в общественное процветание. В большинстве социалистических обществ, включая бывший СССР, под контролем партии находились все «добровольные ассоциации», включая женские, молодежные, экологические движения, самодеятельные творческие коллективы [43]. Периодическая неоплачиваемая работа в выходные дни (субботники и воскресники) долгое время была обязательной для граждан бывших социалистических стран. Более того, некоторые формы «добровольных» акций прямо нарушали права человека. Например, во время чернобыльской катастрофы на Украине многие местные работники

были привлечены к «добровольной» работе без информирования о радиационном риске и без обеспечения надлежащей защиты [39].

Согласно исследованию Б. Войцу и М. Войцу [43], такое «принудительное волонтерство» создавало отвращение, сопротивление, недоверие среди советских граждан: «Общественная сфера воспринималась как сцена публичной лжи и притворства, а общественная деятельность служила полем для выражения фальшивой лояльности государству. Это вело к тотальному недоверию и отвержению общественной жизни и общественной (волонтерской) работы» (43, р. 543).

Нетрудно заметить, что озвученная выше критика (хотя и во многом справедливая) проистекает из упрощенного взгляда на позднее советское общество, которое западные социологи представляют резко разделенным на небольшую группу жестоких повелителей и массу страдающих миллионов, использовавших пассивное сопротивление, иронию и безразличие, чтобы замаскировать ненависть, выразить которую они не могли себе позволить. Однако, по мнению А. Юрчак [49], подавляющее большинство советских граждан не были ни диссидентами, ни активистами. Они были «нормальными людьми», успешно использовавшими государственные и общественные структуры для достижения собственных прагматических целей. Кроме того, эти люди могли одновременно верить в коммунизм и любить вещи, которые официальная идеология не одобряла (например западные рок-группы и американские джинсы).

Перспективы волонтерского движения в России

Нетрудно заметить, что процесс реабилитации элементов советской культуры и истории в России идет полным ходом: попытки возрождения комсомольской и пионерской организаций; римейки советских фильмов; мороженое и кексы, изготовленные по ГОСТу, — все это проявления ностальгии по СССР. Более того, по данным «Левада-Центра» (2016), 58% населения России даже хочет возрождения Советского Союза [1].

Поэтому закономерно, что традиция советского волонтерства, плохая или хорошая, ощутимо присутствует в общественном сознании. Например, учащиеся школ, колледжей, вузов и техникумов, как и работающие и безработные в возрасте от 15 до 30 лет, обсуждая понятие волонтерства, обязательно упоминали тимуровцев, пионеров, комсомольцев и октябрят и совсем не упоминали каких-либо современных героев, движения или организации [5]. Данный факт позволил организаторам опроса сделать вывод, что в современной России по сравнению с Советским Союзом нет равных по масштабу героев и организаций или же они не являются настолько известными.

Более того, российскими социологами прослеживаются тревожные тенденции, свидетельствующие о возрождении *наихудших* традиций советской модели. Так, анализируя законопроект 2013 г.

о волонтерстве, Е.А. Исаева [9] пришла к выводу, что, согласно логике законодателя, главной целью волонтерства является экономия государственного бюджета. В соответствии с этим проектом закона должна была быть создана государственная система добровольчества, в которой доброволец (волонтер) был бы бесплатной единицей, обязанной строго подчиняться указаниям органов власти, не имеющей права действовать без специального разрешения, разглашать увиденное / услышанное при осуществлении деятельности и влиять на процесс принятия решений органами власти. Б.И. Макаренко [12] высказал предположение о грядущей замене НКО общественными структурами, созданными сверху (GONGO — government-organized NGO), имитирующими ответственность власти перед обществом. О начале конца гражданского общества в России может сигнализировать цитата из итогового доклада Общественной палаты РФ: *«Государство и гражданское общество в России не являются антиподами, они едины в деле построения и развития сильного государства, действуют в единой повестке, взаимно ее дополняют и воплощают в жизнь. И такое единство — важнейшая наша историческая традиция и обязательная примета самых ярких и успешных эпох российской истории»* [7, с. 5].

Важно отметить, что тенденция к отказу от понимания волонтерства как элемента гражданского общества, составляющего противовес власти, поддерживается и российскими волонтерами. Так, 60 из 160 опрошенных О.А. Оберемко и А.Г. Истоминой [13] волонтеров считают, что протестная деятельность противоречит волонтерству.

Тревогу вызывает и тот факт, что в сознании российских граждан волонтерская работа порой ассоциируется не с инициативой и гордостью, а с принуждением и унижением. Некоторые взрослые участники опроса, проведенного Ю.Б. Григорьевой и О.А. Оберемко в 2010 г., сообщили, что волонтерская работа, по их мнению, вызывает у окружающих жалость [5, с. 170], потому что люди думают, что ребят заставили помогать. Авторы исследования объясняют это явление «исторической памятью»: в период существования СССР люди привыкли к тому, что понятие «добровольно» находится в сочетании со словом «принудительно», и их устойчивый образ мысли дает о себе знать. По мнению авторов, «историческая память» ответственна также за неверие части горожан в бескорыстие молодежи и даже за их позитивную оценку принуждения молодежи к волонтерству как механизма ее приобщения в качестве дешевой (бесплатной) рабочей силы в период кризиса.

Увы, не только «историческая память», но и современное воспроизведение худших паттернов советской эпохи несут ответственность за эту печальную ситуацию. Так, например, *каждый* молодой (15–30 лет) участник описанного выше исследования упомянул не-

давно пережитый им опыт принуждения, включавший эмоциональное давление, манипуляции и прямые угрозы наказания за неучастие в спущенном сверху «волонтерстве» — в субботниках, генеральных уборках и даже в танцевальных выступлениях на городских праздниках [5].

Было бы ошибкой полагать, что феномен, выраженный в оксюмороне «принудительного волонтерства» (compulsory volunteering), уникален и принадлежит исключительно тоталитарным режимам. К сожалению, он применяется во вполне демократических странах в отношении зависимых категорий населения. Волонтерство является условием получения пособия по безработице в некоторых странах Европы [33]. Вынужденное ежемесячное «волонтерство» описывается как обычная практика поступления иммигрантов на квалифицированную работу в Канаде: работодатели отдают предпочтение имеющим местный опыт работы, а бесплатный труд является единственным способом этот опыт приобрести [40]. Принудительное волонтерство — привычное явление в большинстве британских школ [45], канадских и американских колледжей [31; 46].

В связи с этим важно отметить, что волонтерство, лишенное своей основной составляющей — свободной воли — теряет большую часть своих «полезных свойств». Исследования показали, что принудительное волонтерство не помогает молодым безработным в трудоустройстве [33] и не улучшает, а ухудшает их душевное здоровье [32]. Более того, этот на первый взгляд кажущийся полезным для воспитания молодежи прием имеет долговременные пагубные последствия, драматически сокращая будущую волонтерскую мотивацию участников [31; 48].

Вместо заключения: о содержании будущих исследований

С учетом того что дальнейшее развитие российского волонтерства по советской модели весьма вероятно, представляется полезным изучить опыт советского волонтерства эмпирически, поняв его сильные и слабые стороны. Для этого мы могли бы рекомендовать качественный анализ углубленных интервью с теми, кто в советское время занимался деятельностью, «похожей на волонтерство», а также с теми, кому было важно от нее уклониться. Такое исследование могло бы помочь глубже понять паттерны волонтерства, носителями которых являются миллионы россиян, оценить их социальный потенциал и разработать практические рекомендации для развития института волонтерства в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Больше половины россиян сожалеют о распаде СССР. 19.04.2016 [электронный ресурс] // Сайт «Левада-Центра». Дата обращения: 19.08.2016.

- URL: <<http://www.levada.ru/2016/04/19/bolshe-poloviny-rossiyan-sozha-leyut-o-raspade-sssr>>.
2. *Буданцева С.В.* Развитие благотворительной деятельности в России // Вестник ТГУ. 2010. № 2. С. 56–61.
 3. *Воронова Е.А.* Добровольчество как форма благотворительности в современной России // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2011. № 1. С. 330–342.
 4. *Горбулева М.С.* Добровольчество: генезис и мотивы // Вестник ТГПУ. 2015. № 5 (158). С. 140–146.
 5. *Григорьева Ю.Б., Оберемко О.А.* Фокус-группы — палитры мнений // Потенциал развития добровольческого движения в молодежной среде как элемент антикризисного развития: сравнительное изучение Самарской области и Краснодарского края для Независимого аналитического центра «Социум-регион». Грант № 237 от АНО «Институт общественного проектирования» / Под ред. О.А. Оберемко. Краснодар: Социум-регион, 2010. С. 139–219.
 6. *Данченко-Морозова Л.В., Селезнев И.А.* Перспективы взаимодействия гражданского общества и социального правового государства в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 37–45.
 7. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 г. М.: ОП РФ, 2014. — 184 с.
 8. *Елеева А.Б.* Сравнительный анализ понятий «добровольчество» и «волонтерство» // Молодой ученый. 2010. № 1–2. С. 294–297.
 9. *Исаева Е.А.* Огосударствление института добровольчества в России: анализ законопроекта «О добровольчестве (волонтерстве)» // Власть. 2013. № 10. С. 148–150.
 10. *Кожеевников К.* Верит — не верит: особенности российской религиозности [электронный ресурс] // Сайт Фонда «Общественное мнение». Дата обращения 1.07.2016. URL: <<http://fom.ru/blogs/10955#>>.
 11. *Локтионова Т.А.* История возникновения и становления волонтерства в России // Молодой ученый. 2012. № 8. С. 267–269.
 12. *Макаренко Б.И.* Посткрымский политический режим // Pro et Contra. 2014. Т. 63. № 3–4. С. 87–103.
 13. *Оберемко О.А., Истомина А.Г.* Совместимы ли волонтерская и протестная деятельность? (По материалам самоописаний российских добровольцев) // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 2 (125). С. 72–82. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.06
 14. *Паршина Ю.В.* Волонтерское движение и его истоки в России // Известия ВГПУ. 2009. № 9. С. 106–109.
 15. *Певная М.В.* Российские волонтеры третьего сектора: характеристика общности и управленческие перспективы // Известия Уральского федерального университета. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 1 (135). С. 145–151.
 16. *Певная М.В.* Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики. Екатеринбург: Изд-во УГУ, 2016. — 434 с.

17. *Попова Е.Г., Певная М.В.* Российские волонтеры в зеркале общественно-го мнения // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1. С. 14–23.
18. *Пушкарева Т.В., Мельникова В.Н.* Волонтерство как добровольная благотворительная деятельность // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2013. № 1. С. 188–190.
19. *Репешко Е.Е.* Волонтерство в России: основные проблемы и способы их решения // *Ученые записки РГСУ*. 2012. № 10 (110). С. 106–109.
20. *Сикорская Л.Е.* Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // *Социологические исследования*. 2007. № 9. С. 52–58.
21. *Ситаров В.А., Сикорская Л.Е.* Добровольческая деятельность как школа нравственного становления молодежи (начало) // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. № 4. С. 122–127.
22. *Степанищев А.Т., Хасанов Р.Ш.* Патриотизм — один из решающих факторов победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // *Армия и общество*. 2010. № 2. С. 11–15.
23. *Трохина А.В.* Занятость волонтеров в России. М.: МГУ, 2012. — 166 с.
24. *Формы общественной активности граждан: данные «ФОМнибус» 19.05.2013* [электронный документ] // Сайт Фонда «Общественное мнение». Дата обращения 28.08.2016. URL: <<http://fom.ru/obshchestvo/10927>>.
25. *Холина О.И.* Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 8. С. 71–73.
26. *Шуякова Е.Н.* Трансформация понятия добровольчества: от ценности к институту // *Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании 2011»*. Одесса: Черноморье, 2011. № 4. С. 63–71.
27. *Bradley J.* Voluntary associations in Tsarist Russia: Science, patriotism and civil society. Cambridge: Harvard University Press, 2009. — 384 p. DOI: 10.4159/9780674053601
28. *Braun K.* The international and political theory and idea of the world community // *International Relations Theory Today* / Ed. by K. Bus, S. Smith. Cambridge: Polity Press, 1996. P. 90–109.
29. *Snaan R.A., Handy F., Wadsworth M.* Defining who is a volunteer: Conceptual and empirical considerations // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1996. Vol. 25. No. 3. P. 364–383. DOI: 10.1177/0899764096253006
30. *Falk R.* On human governance. Toward a new global politics. Cambridge: Polity Press, 2004. — 298 p.
31. *Helms S.E.* Involuntary volunteering: The impact of mandated service in public schools // *Economics of Education Review*. 2013. No. 36. P. 295–310. DOI:10.1016/j.econedurev.2013.06.003
32. *Kamerade D., Bennett M.* Unemployment, volunteering, subjective well-being and mental health. TSI Working Paper. No. 8. Brussels: Third Sector Impact, 2015. — 24 p.

33. *Kamerade D., Ellis P.A.* Volunteering and employability: Implications for policy and practice // *Voluntary Sector Review*. 2014. Vol. 5. No. 2. P. 259–274. DOI: 10.1332/204080514X14013593888736
34. *Killingsworth M.* Civil society in communist Eastern Europe: opposition and dissent in totalitarian regimes. Colchester: ECPR Press, 2012. — 184 p.
35. *Mowen J.C., Sujan H.* Volunteer behavior: A hierarchical model approach for investigating its trait and functional motive antecedents // *Journal of Consumer Psychology*. 2005. Vol. 15. No. 2. P. 170–182. DOI: 10.1207/s15327663jcp1502_9
36. *Musick M.A., Wilson J.* Volunteers: A Social Profile. Bloomington: Indiana University Press, 2008. — 663 p.
37. *Paturyan Y., Gevorgyan V.* Trust towards NGOs and volunteering in South Caucasus: Civil society moving away from post-communism? // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2014. Vol. 14. P. 239–262. DOI:10.1080/14683857.2014.904544.
38. *Plagnol A., Huppert F.* Happy to help? Exploring the factors associated with variations in rates of volunteering across Europe // *Social Indicators Research*. 2010. Vol. 97. No. 2. P. 157–176. DOI: 10.1007/s11205-009-9494-x
39. *Powell S.* Understanding Volunteerism for Development in South-Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States: Strategies for Expansion. Bonn: UNV/UNDP, 2010. — 116 p.
40. *Slade B., Luo Y.C., Schugurensky D.* The experiences of immigrants who volunteer to access the labor market: Pushing the boundaries of “Volunteerism” // *Volunteer Work, Informal Learning and Social Action* / Ed. by F. Duguid, K. Mündel, D. Schugurensky. Rotterdam: Sense Publishers, 2013. P. 101–114.
41. *Voicu B.* Participative immigrants or participative cultures? The importance of cultural heritage in determining involvement in associations // *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2014. Vol. 25. P. 612–635. DOI: 10.1007/s11266-013-9355-8
42. *Voicu B., Șerban M.* Immigrant participation in voluntary associations across Europe // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38. No. 10. P. 1569–1587. DOI: 10.1080/1369183X.2012.711046
43. *Voicu B., Voicu M.* Volunteers and volunteering in Central and Eastern Europe // *Slovak Journal of Sociology*. 2009. Vol. 41. No. 6. P. 539–563.
44. *Volunteering in the European Union. Final report. 2011* [online]. Accessed 20.08.2016. URL: <http://ec.europa.eu/citizenship/pdf/doc1018_en.pdf>.
45. *Widjaja E.* Motivation behind volunteerism. CMC Senior Thesis. Claremont McKenna College. 2010 [online]. Accessed 20.08.2016. URL: <http://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/4>.
46. *Wilson J.* Volunteerism research: A review essay // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2012. Vol. 41. P. 176–212. DOI: 10.1177/0899764011434558
47. *World Giving Index 2012.* Charities Aid Foundation. December 2012 [online]. Accessed 20.08.2016. URL: <<http://www.cafamerica.org/wp-content/uploads/WorldGivingIndex2012WEB.pdf>>.
48. *Yang W.* Does ‘compulsory volunteering’ affect subsequent behavior? Evidence from a natural experiment in Canada // *Education Economics*. 2016. P. 1–12. DOI:10.1080/09645292.2016.1182622

49. Yurchak A. Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation. Princeton: Princeton University Press, 2006. — 352 p.
50. Zychlinski E., Kagan M. Twenty years later: Volunteering and its motivation amongst FSU immigrants and native-born Israelis. 2014 [online]. Accessed 20.08.2016. URL: <http://c.ymcdn.com/sites/www.istr.org/resource/resmgr/MunsterAbstracts/Zychlinski,_EsterNEW.pdf>.

Дата поступления: 19.08.2016.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL
2017. Vol. 23. No. 2. P. 136–152. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5162

N.I. KHVOROSTIANOV

Ben-Gurion University of the Negev, Israel.

Natalia I. Khvorostianov — PhD, Research Fellow, Department of Communication Studies, Ben-Gurion University of the Negev, Israel. **Address:** Ben-Gurion University of the Negev; P.O.B. 653, 8410501, Beer-Sheva, Israel.
Phone: +972-8-647-9370. **Email:** nataliak@bgu.ac.il

VOLUNTEER WORK IN RUSSIAN SOCIETY AND RUSSIAN SOCIOLOGY: A GLANCE FROM ABROAD

Abstract. The author presents three models of volunteer work (utilizing critical analysis of Russian and foreign research as a basis) which compete for prominence in the Russian public consciousness. These three models — traditional, Soviet and democratic — correspond semantically with three intersecting concepts in the Russian discourse — “charity”, “dobrovolchestvo” (which literally translates to “volunteerism”) and “volunteer work”. They act as independent cultural and ideological concepts and symbolize the more or less probable scenarios of Russian civil society development. However, since the results of recent empirical studies conducted by Russian sociologists lean towards the “Soviet” model, studying the latter has become an important task. Qualitative retrospective empirical studies of Soviet experience which “somewhat resembles volunteering” (millions of Russians are carriers of said experience) can be useful not only when it comes to forming a deeper understanding of modern Russian volunteering, but also when it comes to its development.

Keywords: volunteering; civil society; Russia; Soviet experience.

For citation: Khvorostianov N.I. Volunteer work in Russian society and Russian sociology: A glance from abroad. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 136–152. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5162

REFERENCES

1. *More than a half of Russians regret the collapse of the USSR*. 19.04.2016. Levada-Center. Accessed 19.08.2016. URL: <<http://www.levada.ru/2016/04/19/bolshe-pолоviny-rossiyan-sozhalelyut-o-raspade-sssr>>. (In Russ.)
2. Budantseva S.V. Development of the charitable activity in Russia. *Vestnik TGU*. 2010. No. 2. P. 56–61. (In Russ.)

3. Voronova E.A. Volunteering as a charity form in modern Russia. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sotsiologiya*. 2011. No. 1. P. 330–342. (In Russ.)
4. Gorbuleva M.S. Volunteering: Genesis and motives. *Vestnik TGPU*. 2015. No. 5 (158). P. 140–146. (In Russ.)
5. Grigor'eva Yu.B., Oberemko O.A. Focus-groups — diversity of opinions. *Development potential of the voluntary movement among young people as an element of anti-recessionary development*. Ed. by O.A. Oberemko. Krasnodar: Sotsium-region, 2010. P. 139–219. (In Russ.)
6. Danchenko-Morozova L.V., Seleznev I.A. The prospects of interaction between the civil society and the social legal state in Russia. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2015. No. 4. P. 37–45. (In Russ.)
7. *The report on a state of civil society in the Russian Federation for 2014*. Moscow: OP RF publ., 2014. 184 p. (In Russ.)
8. Eleeva A.B. Comparative analysis of the concepts “dobrovolchestvo” and “volunteering”. *Molodoi uchenyi*. 2010. No. 1–2. P. 294–297. (In Russ.)
9. Isaeva E.A. Governmentalization of institute of volunteering in Russia: The analysis of the bill “About volunteering (dobrovolchestvo)”. *Vlast'*. 2013. No. 10. P. 148–150. (In Russ.)
10. Kozhevnikov K. Believe — doesn't believe: features of the Russian religiousness. *FOM*. Accessed 1.07.2016. URL: <<http://fom.ru/blogs/10955#>>. (In Russ.)
11. Loktionova T.A. History of emergence and formation of volunteering in Russia. *Molodoi uchenyi*. 2012. No. 8. P. 267–269. (In Russ.)
12. Makarenko B. Post-Crimean Political Order. *Pro et Contra*. 2014. Vol. 63. No. 3–4. P. 87–103. (In Russ.)
13. Oberemko O.A., Istomina A.G. Are volunteer and protest activities compatible? (Based on self-description of the Russian volunteers). *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 2015. No. 2 (125). P. 72–82. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.06
14. Parshina Yu.V. Voluntary movement and its start in Russia. *Izvestiya VGPU*. 2009. No. 9. P. 106–109. (In Russ.)
15. Pevnaya M.V. The formal volunteers in Russian's NGO: Characteristics of community and management strategy. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2015. No. 1 (135). P. 145–151. (In Russ.)
16. Pevnaya M.V. *Management of volunteering: International experience and local practices*. Ekaterinburg: Izd-vo UGU publ., 2016. 434 p. (In Russ.)
17. Popova E.G., Pevnaya M.V. Russian volunteers in a public opinion of Russian. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. No. 1. P. 14–23. (In Russ.)
18. Pushkareva T.V., Mel'nikova V.N. Volunteering as voluntary charity. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2013. No. 1. P. 188–190. (In Russ.)
19. Repeshko E.E. Volunteering in Russia: Main problems and ways to solve them. *Uchenye zapiski RGSU*. 2012. No. 10 (110). P. 106–109. (In Russ.)
20. Sikorskaya L. E. Tolerance in the Perception of Young Russian and German Volunteer Social Work. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2007. No. 9. P. 52–58. (In Russ.)
21. Sitarov V.A., Sikorskaya L.E. Voluntary activity as a school of youth's moral formation. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2009. No. 4. P. 122–127. (In Russ.)
22. Stepanishev A.T., Hasanov R.S. Patriotism — one of the victory determinatives in the Great Patriotic War in 1941–1945. *Armija i obshchestvo*. 2010. No. 2. P. 11–15. (In Russ.)
23. Trokhina A.V. *Employment of volunteers in Russia*. Moscow: MGU publ., 2012. 166 p. (In Russ.)
24. Forms of citizens public activity: FOMnibus data 19.05.2013. *FOM*. Accessed 28.08.2016. URL: <<http://fom.ru/obshchestvo/10927>>. (In Russ.)
25. Holina O.I. Volunteering as social phenomenon of modern Russian society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2011. No. 8. P. 71–73. (In Russ.)

26. Shuyakova E.N. Transformation of a concept of volunteering: From value to institute. Collection of scientific works SWorld. Materials of the International Scientific and Practical Conference “Modern Problems and Ways to Solve them in Science, Transport, Production and Education 2011”. [*Sbornik nauchnykh trudov SWorld. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Sovremennye problemy i puti ikh resheniya v nauke, transporte, proizvodstve i obrazovanii 2011”*.] Odessa: Chernomor’e, 2011. No. 4. P. 63–71. (In Russ.)
27. Bradley J. *Voluntary associations in Tsarist Russia: Science, patriotism and civil society*. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 384 p. DOI: 10.4159/9780674053601
28. Braun K. The international and political theory and idea of the world community. *International Relations Theory Today*. Ed. by K. Bus, S. Smith. Cambridge: Polity Press, 1996. P. 90–109.
29. Snaan R.A., Handy F., Wadsworth M. Defining who is a volunteer: Conceptual and empirical considerations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1996. Vol. 25. No. 3. P. 364–383. DOI: 10.1177/0899764096253006
30. Falk R. *On human governance. Toward a new global politics*. Cambridge: Polity Press, 2004. 298 p.
31. Helms S.E. Involuntary volunteering: The impact of mandated service in public schools. *Economics of Education Review*. 2013. No. 36. P. 295–310. DOI:10.1016/j.econedurev.2013.06.003
32. Kamerade D., Bennett M. *Unemployment, volunteering, subjective well-being and mental health. TSI Working Paper*. No. 8. Brussels: Third Sector Impact, 2015. 24 p.
33. Kamerade D., Ellis P.A. Volunteering and employability: Implications for policy and practice. *Voluntary Sector Review*. 2014. Vol. 5. No. 2. P. 259–274. DOI: 10.1332/204080514X14013593888736
34. Killingsworth M. *Civil society in communist Eastern Europe: Opposition and dissent in totalitarian regimes*. Colchester: ECPR Press, 2012. 184 p.
35. Mowen J.C., Sujan H. Volunteer behavior: A hierarchical model approach for investigating its trait and functional motive antecedents. *Journal of Consumer Psychology*. 2005. Vol. 15. No. 2. P. 170–182. DOI: 10.1207/s15327663jcp1502_9
36. Musick M.A., Wilson J. *Volunteers: A social profile*. Bloomington: Indiana University Press, 2008. 663 p.
37. Paturyan Y., Gevorgyan V. Trust towards NGOs and volunteering in South Caucasus: Civil society moving away from post-communism? *Southeast European and Black Sea Studies*. 2014. Vol. 14. P. 239–262. DOI:10.1080/14683857.2014.904544.
38. Plagnol A., Huppert F. Happy to help? Exploring the factors associated with variations in rates of volunteering across Europe. *Social Indicators Research*. 2010. Vol. 97. No. 2. P. 157–176. DOI: 10.1007/s11205-009-9494-x
39. Powell S. *Understanding Volunteerism for Development in South-Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States: Strategies for Expansion*. Bonn: UNV/UNDP, 2010. 116 p.
40. Slade B., Luo Y.C., Schugurensky D. *The experiences of immigrants who volunteer to access the labor market: Pushing the boundaries of “Volunteerism”*. *Volunteer Work, Informal Learning and Social Action*. Ed. by F. Duguid, K. Mündel, D. Schugurensky. Rotterdam: Sense Publishers, 2013. P. 101–114.
41. Voicu B. Participative immigrants or participative cultures? The importance of cultural heritage in determining involvement in associations. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2014. Vol. 25. P. 612–635. DOI: 10.1007/s11266-013-9355-8
42. Voicu B., Șerban M. Immigrant participation in voluntary associations across Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38. No. 10. P. 1569–1587. DOI: 10.1080/1369183X.2012.711046

43. Voicu B., Voicu M. Volunteers and volunteering in Central and Eastern Europe. *Slovak Journal of Sociology*. 2009. Vol. 41. No. 6. P. 539–563.
44. *Volunteering in the European Union. Final report*. 2011. Accessed 20.08.2016. URL: <http://ec.europa.eu/citizenship/pdf/doc1018_en.pdf>.
45. Widjaja E. *Motivation behind volunteerism. CMC Senior Thesis*. Claremont McKenna College. 2010. Accessed 20.08.2016. URL: <http://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/4>.
46. Wilson J. Volunteerism research: A review essay. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2012. Vol. 41. P. 176–212. DOI: 10.1177/0899764011434558
47. *World Giving Index 2012. Charities Aid Foundation*. December 2012. Accessed 20.08.2016. URL: <<http://www.cafamerica.org/wp-content/uploads/WorldGivingIndex2012WEB.pdf>>.
48. Yang W. Does 'compulsory volunteering' affect subsequent behavior? Evidence from a natural experiment in Canada. *Education Economics*. 2016. P. 1–12. DOI:10.1080/09645292.2016.1182622
49. Yurchak A. *Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation*. Princeton: Princeton University Press, 2006. 352 p.
50. Zychlinski E., Kagan M. *Twenty years later: Volunteering and its motivation amongst FSU immigrants and native-born Israelis*. 2014. Accessed 20.08.2016. URL: <http://c.ymcdn.com/sites/www.istr.org/resource/resmgr/MunsterAbstracts/Zychlinski,_EsterNEW.pdf>.

Received: 19.08.2016.
